

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(5)

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-2-127-140>

Проблемы организации лесного надзора в Иркутской и Енисейской губерниях в конце XIX – начале XX в.

© А.В. Данчевская

Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Автор изучил проблемы организации системы охраны лесных ресурсов в Иркутской и Енисейской губерниях. Законодательная основа защиты лесов в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. была представлена «Лесным уставом», «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных», «Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями». Основой организации системы охраны стал «Лесной устав», однако его действие не распространялось на территории Иркутской и Енисейской губерний до конца XIX века. Предписание губернаторам разработать предложения по устройству сибирских лесов было вынесено комитетом министров ещё в 1848 г., но дальше обсуждения и переписок дело не двигалось вплоть до 1894 г., когда были приняты правила о заведывании государственными лесами в Иркутском генерал-губернаторстве. На их основе в Сибири создавалась система лесоохранительных органов в составе лесных чинов и лесной стражи, подчинявшихся казенным палатам. Сложности в распространении реформ, проводившихся в западных губерниях страны в середине – второй половине XIX в., на Восточную Сибирь привели к тому, что на несколько лет кражи леса выпали из правового поля, когда они были переведены из «Уложения о наказаниях» в мировой устав, а тот, в свою очередь, стал применяться в Восточной Сибири только спустя несколько лет. Затем параллельное введение института мировых судей и организации устройства лесов, их разделение на категории и создание системы надзора привели к резкому возрастанию правонарушений по «Лесному уставу» в криминальной статистике.

Ключевые слова: лесной надзор, лесные ресурсы, лесоохрана, незаконные вырубки, кражи леса, Восточная Сибирь, Иркутская губерния, Енисейская губерния, лесной устав, переселенческие пункты

Для цитирования: Данчевская А.В. Проблемы организации лесного надзора в Иркутской и Енисейской губерниях в конце XIX – начале XX в. // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 2. С. 127–140. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-2-127-140>

Problems of the organization of forest supervision in the Irkutsk and Yenisei provinces in the late XIX – early XX century

© Anastasiya V. Danchevskaya

East-Siberian Institute of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia

Abstract: The author studied the problems of organizing a system for the protection of forest resources of the Russian Empire in the Irkutsk and Yenisei provinces. The legislative basis for the protection of forests in the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX century was represented by the “Forest Charter”, “The Code on Criminal and Correctional Punishments”, “The Charter on Punishments imposed by magistrates”. The basis of the forest land protection system was the “Forest Charter”, however, its effect did not extend to the territory of the Irkutsk and Yenisei provinces until the end of the XIX century. The order to the governors to develop proposals for the arrangement of Siberian forests was issued by the Committee of Ministers in 1848, but the matter did not move beyond discussion and correspondence until 1894, when the rules on the management of state forests in the Irkutsk General Government were adopted. On their basis, a system of forest protection bodies was created in Siberia, consisting of forest officials and forest guards subordinating to the state chambers. Difficulties in spreading the reforms carried out in the western provinces of the country in the mid-second half of the XIX century to Eastern Siberia led to the fact that for several years the theft of timber fell out of the legal field, when they were transferred from the “Code of Punishments” to the world Charter, which began to be applied in Eastern Siberia with a significant delay. Then, the parallel introduction of the institute of magistrates in Eastern Siberia and the organization of the arrangement of forests, their division into

categories and the creation of a system of forest supervision led to a sharp increase in offenses under the “Forest Charter” in criminal statistics.

Keywords: forest supervision, forest resources, forest protection, illegal logging, forest theft, Eastern Siberia, Irkutsk province, Yenisei province, forest charter, resettlement centers

For citation: Danchevskaya A.V. (2021) Problems of the organization of forest supervision in the Irkutsk and Yenisei provinces in the late XIX – early XX century. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 2. P. 127–140. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-2-127-140>

Лес в России издревле являлся одним из наиболее востребованных и, казалось бы, безграничных ресурсов. Мифологическое представление о его нескончаемости приводило в исторической ретроспективе и приводит в настоящее время к потребительскому отношению к лесным ресурсам, что выражается в безответственном разведении огня в лесных массивах и, как следствие, пожарам, а также к огромному количеству незаконных вырубок, осуществляемых на промышленной основе. Ущерб от них в современной России исчисляется в миллиардах рублей и сотнях гектаров. Иркутская область в 2019 г. являлась лидером по объему незаконно вырубленного леса, который составил 441 тыс. кубических метров, что было в четыре раза больше, чем в Красноярском крае, занявшем второе место (Вопрос бревном // Российская газета. № 186 (8240). 21 августа 2020 г. URL: <https://rg.ru/2020/08/20/kak-v-rossii-boriutsia-s-nezakonnoj-vyrubkoj-lesa.html> (дата обращения: 09.03.2021). Всё это свидетельствует о том, что столь важный ресурс как лес, который необходим не только и не столько в качестве сырья, сколько в качестве гарантии сохранения экосистем Сибири, продолжает находиться под угрозой исчезновения.

В исторической ретроспективе сибирский лес до строительства Транссиба почти не представлял интереса как экспортный товар по причине отсутствия транспортных магистралей, но широко использовался внутри государства как в хозяйственных, так и в промышленных целях. Особенно он был востребован с началом активного переселения крестьян. Это обуславливало необходимость организации государством контроля за сферой лесного хозяйства, а значит – создания и развития специального закона. Проблема пожаров и незаконных вырубок была актуальной и в более раннее время,

но лишь к концу XIX в. стали централизованно приниматься меры для защиты и наведения порядка в сфере собственности и управления лесными угодьями.

Не претендуя на всестороннее рассмотрение вопроса становления лесоохранной системы Российской империи, рассмотрим лишь вопросы распространения лесных законов на территории Иркутской и Енисейской губерний, а также основы становления местных структур, осуществлявших охрану. За пределами изучаемого вопроса осталась борьба с лесными пожарами, поскольку она является предметом отдельного самостоятельного исследования.

В целом проблема развития лесного закона и создания системы защиты лесов в России достаточно широко освещалась ещё в XIX – начале XX в. Об эволюции лесного законодательства тогда писали В.В. Врангель (Врангель, 1841), Н.В. Шелгунов (Шелгунов, 1857), Н.И. Фалеев (Фалеев, 1912)¹, Д.М. Зайцев (Зайцев, 1913)² и другие, но эти работы фактически не касались Сибири, поскольку здесь эксплуатация лесов никоим образом не регламентировалась до 1895 г. В советский период охрана и развитие лесного законодательства в до-революционный период специально не изучались, однако нормативные акты РСФСР в начале становления советской власти, безусловно, создавались на основе существовавших ранее законов Российской империи. Так, в «Положении об охране лесов

¹ Фалеев Н.И. Лесное право: I, II. Лесная собственность. Лесные нарушения: пособие для лесничих, ученых лесоводов, сел. хозяев. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1912. VI, [2], 358, II с.

² Зайцев Д.М. Лесное законодательство: (Коммент. к проекту нового Устава лесн.). СПб: Изд-во журн. «Лесопромышленник», 1913. 152 с.

Республики и инструкции лесной страже», изданной в 1920-х гг., сохранились дореволюционные формулировки: «самовольные порубки», «лесная стража», а также общая структура местных должностей, осуществлявших охрану. В настоящее время эволюция лесного законодательства в России от Петра I до Николая I подробно рассмотрена профессором В.В. Черных (Черных, 2020). К изучению правонарушений в области лесного законодательства в дореволюционной России на современном этапе обращались М.О. Тяпкин и В.М. Антропов (Тяпкин, Антропов, 2015), а также С.Г. Федоров (Федоров, 2016). Отдельно проблема организации лесного надзора в Восточной Сибири прослеживается через призму исследования проблем природопользования в изучаемых хронологических рамках (Курышова, 2016; Зуляр, 2002).

Правовой основой защиты лесных угодий в Российской империи являлся «Устав о лесах», первый проект которого был создан ещё в 1802 г. В результате кодификации российского законодательства закон о лесах под названием «Свод учреждений и уставов лесных» был включен в восьмой том Свода законов Российской империи (1832). Позднее в связи с внесением коррективов «Лесной устав» многократно переиздавался. Поскольку тираж официальных изданий был ограниченным и часто не успевал за законодательными изменениями, «Лесной устав», как и другие законы, нередко издавался в неофициальных версиях от лица разных юристов, с включением изменений за последние годы и комментариями. Так, составителями в разное время выступали Д.Н. Коковцов (Коковцов, 1876)³, В.С. Семенов (Семенов, 1899)⁴, Г.И. Соколов (Соколов, 1911)⁵ и другие.

³ Коковцов Д.Н. Устав лесной (Свод законов т. 8, ч. 1), дополненный и измененный по продолжениям 1863, 1864, 1868, 1860, 1871 и 1872 гг. и позднейшим узаконениям. СПб.: А.Ф. Девриен, 1876. VIII, 545 с.

⁴ Семенов В.С. Уставы: Лесной, со включением положения о сохранении и сбережении лесов и о казенных оброчных статьях: (Извлеч. из них). Неофиц. изд. СПб.: тип. А.Л. Трунова, 1899. 213, III с.

⁵ Соколов Г.И. Устав лесной: По офиц. изд. 1905 г. и по прод. 1906 и 1908 гг. с сенат. и ведомств. разъяснениями, правилами, инструкциями и

«Лесной устав» предусматривал разделение лесов на три категории в зависимости от формы собственности: государственная, общественная и частная, а затем каждую делил ещё более подробно. Леса общественной и частной собственности находились за пределами контроля управления казенными лесами (Пуряева, 2011. С. 121). Государственные находились в ведении казны и делились на казенные (состоявшие в непосредственном распоряжении казны) и имеющие особое назначение (предоставленные в пользование различным ведомствам, установлениям, заведениям и обществам). Казенные леса делились на три вида (лесничества, объезды и обходы) и находились в ведении лесного департамента министерства государственных имуществ. На местном уровне управление казенными лесами осуществлялось лесными отделениями палат государственных имуществ, а в лесничествах – местным лесничим и его помощником – подлесничим. Общий надзор осуществляли лесные ревизоры. Контроль за сплавом по рекам возлагался на лесные заставы. Для охраны казенных лесов создавалась лесная стража.

Лесное ведомство департамента государственных имуществ носило название корпуса лесничих и включало всех чинов губернского лесного управления и учебных лесных заведений, а также постоянную стражу. Контроль за соблюдением «Лесного устава» возлагался также на полицейских чинов, особенно на урядников после введения этой должности в 1878 г. Они обязаны были принимать меры к прекращению самовольной порубки в казенном лесу и задержанию виновных, если такой факт был обнаружен при объезде участка. Вменялось в обязанность извещать о факте незаконной рубки лесную стражу, а также в случае получения сведений о намерении кого-либо осуществить похищение леса⁶.

В законодательстве России основная часть наказаний за преступления по лесной части предусматривалась «Уложением о наказаниях уголовных

циркулярами и с прил. сравнит. и предм. указ. Неофиц. изд. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1911. [4], VIII, 360 с.

⁶ Справочная книга для полицейских урядников. Изд. 2-е. СПб: Тип. И. С. Леви и К°, 1887. С. 52.

и исправительных». «Лесной устав», помимо подробной регламентации распределения, ответственности, организации управления, использования и охраны разных видов лесов, предусматривал меры взыскания и регламентировал процесс судопроизводства за преступления и проступки в зависимости от вида собственности леса. При этом фактически сами наказания нашли отражение в «Уложении о наказаниях», а «Устав лесной» регламентировал действия соответствующих структур по наложению этих взысканий и привлечению виновных к ответственности.

«Уложение о наказаниях» 1845 г. содержало постановления о нарушении уставов о казенных лесах (глава IX раздела VII «О преступлениях и проступках против имущества и доходов казны»). Хищение как казенного, так и частного леса каралось изъятием похищенного и санкциями, предусмотренными за кражу без отягчающих обстоятельств, а также денежным взысканием в объеме стоимости похищенного. Размер наказания за обычную кражу зависел от того, в какой раз было совершено преступление и от стоимости похищенного. Оказание сопротивления или неповиновения требованиям лесной стражи являлись отягчающими обстоятельствами. За кражу дубового леса, саженного, сеяного, помимо изъятия похищенного, предусматривалась высшая мера наказания в соответствии со ст. 2159. Если порубка или хищение леса были сделаны целым селением или группой более девяти человек, к ответственности привлекались только инициаторы или руководители, остальные подвергались денежным взысканиям с изъятием похищенного. При этом, разграничивая понятия «самовольная порубка» и «хищение леса», закон не давал формального определения того и другого вида правонарушения, что было справедливо замечено в работе М.О. Тяпкина и Е.В. Демчик (Тяпкин, Демчик, 2017. С. 147).

После судебной реформы, осуществлявшейся в разных частях государства на протяжении 1860–1890-х гг., из «Уложения о наказаниях» была изъята часть более легких правонарушений, которые были перенесены в «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», иначе называвшимся миро-

вым уставом. Соответственно, кражи леса, приравненные к простым, вошли в состав мирового устава, а в редакцию «Уложения» 1885 г. в качестве более тяжелых преступлений были включены укрывательство и покупка заведомо незаконно добытого другими лицами леса, вооруженные угрозы и вооруженное сопротивление (в том числе групповое) лесным чинам или страже, а также должностные преступления лесных чиновников. Размер наказания за укрывательство или покупку незаконно похищенного или самовольно срубленного другими лицами леса зависел от того, в какой раз было совершено данное правонарушение. В первый раз виновные подвергались денежному взысканию в размере стоимости похищенного леса, за повторное преступление добавлялся арест сроком не более шести недель. В третий и более раз виновного, вместо ареста, ждало заключение в тюрьме от одного до трех месяцев. В случае если субъектом правонарушения выступал лесопромышленник, то за второе и более правонарушение он лишался права заниматься лесной промышленностью на протяжении пяти лет.

В мировом уставе санкции за похищение и повреждение чужого леса были предусмотрены статьями 154–168. Наказание за похищение леса или лесных произведений, уже заготовленных и сложенных, а также из мест складов, устроенных для их хранения, приравнивалось к простой краже (ст.ст. 169–172). Например, если стоимость украденного составляла 300 рублей и менее, виновный подвергался заключению на срок от трех до шести месяцев. Закон также устанавливал ряд отягчающих обстоятельств (ст. 170), которые влекли увеличение срока тюремного заключения до двенадцати месяцев. К ним относились совершение кражи: в ночное время; группой лиц по предварительному сговору; лицами, служившими или проживавшими у того, чье имущество было похищено; лицами, осужденными ранее за кражу или мошенничество. С другой стороны, закон также предусматривал условия, в соответствии с которыми наказание могло быть уменьшено наполовину: в случае добровольного возвращения украденного владельцу, совершения кражи из крайней необходимости при

отсутствии средств к пропитанию и работе, а также если стоимость похищенного составляла 50 копеек и менее. Наказание за покушение на кражу, остановленное по не зависящим от виновного обстоятельствам, участие в краже или укрывательство похищенного приравнивались к наказанию за простую кражу. При этом мировые судьи могли сократить наказание наполовину, в зависимости от важности покушения или степени участия виновных.

При обнаружении незаконно срубленный или похищенный лес, даже если он был буреломным или валежным, изымался в полном объеме. Кроме того, виновного подвергали денежному взысканию, которое в первые два раза составляло двойную стоимость похищенного или срубленного, а в третий и последующие, помимо штрафа, подвергали заключению на срок от одного до шести месяцев. Второй раз считался, если он был совершен в течение двух лет после первого, а по истечении этого срока порубка считалась совершенной впервые⁷. Размер денежного взыскания увеличивался наполовину, если ущерб от порубки или хищения был нанесен особым категориям лесов (корабельным лесам, заказным рощам и участкам), если проступок совершался в ночное время; если правонарушитель пытался скрыть свою личность перед лесной стражей; если объектом становились семенные или посаженные деревья; если деревья были спилены или правонарушение совершалось несколькими лицами; если мотивом к совершению правонарушения были корыстные цели. Мелочные порубки, осуществленные проезжающими с целью необходимой в пути починки, за исключением семенных и посаженных деревьев, а также порубка или собирание валежника и хвороста в казенных лесах, не вменялись в вину, когда на основании «Устава лесного» эти действия не считались противозаконными.

Неповиновение виновных в похищении или самовольной порубке леса лесным чинам или

страже без применения насилия влекло за собой наказание в виде ареста на срок до одного месяца. Денежные взыскания, а также изъятый лес и лесные произведения, по закону обращались в пользу казны или частного лица по принадлежности.

Таким образом, разделение лесов на множество видов в зависимости собственности и использования привело к подробной регламентации деятельности служб лесного департамента в случае правонарушений относительно каждого вида леса. При этом порядок наложения взысканий и наказаний за нарушение лесных законов, а также порядок судопроизводства по делам о лесных порубках, поджогах и иных нарушениях лесных законов, были регламентированы соответствующими разделами «Лесного устава» и менялись в соответствии с изданием новых редакций: разница в организации этих процессов между изданиями 1857 и 1905 гг. рассмотрена, например, в работе В.А. Шишкина (Шишкин, 2017). Непосредственно сами наказания и взыскания были до 1860-х гг. изложены в «Уложении о наказаниях», а после судебной реформы более легкие правонарушения перешли в «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями».

В 1888 г. в дополнение к существовавшим законам было издано «Положение о сбережении лесов»⁸. Оно вносило изменения в «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» и «Устав уголовного судопроизводства». Действие «Положения» распространялось на все леса, принадлежавшие казне, удельному ведомству, разным установлениям, обществам, частным лицам. Нормы данного документа постепенно в течение ряда лет распространялись на отдельные губернии и области империи, за исключением сибирских территорий, где на тот момент в принципе не существовало разделения лесов на категории и, как следствие, лесного надзора. «Положение» включало меры по защите леса от истребления и истощения, а также поощрения ведения в лесных дачах правильного хозяйства и разведение новых лесов. С целью сохранения отдельных лесов была введена особая их

⁷ Судебные уставы 20 ноября 1864 года : с изложением рассуждений, на коих они основаны : Ч. 1 / изданные Государственной канцелярией. 2-е издание, дополненное. С.-Петербург: в типографии 2 отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. С. 64.

⁸ Высочайше утвержденное Положение о сбережении лесов (4 апреля 1888 г.) // ПСЗРИ. Собрание III. Том VIII. № 5120.

категория – защитные, которые необходимы были для сдерживания сыпучих песков вдоль морских побережий и берегов рек, каналов, водохранилищ; для защиты населенных пунктов и средств инфраструктуры от песчаных заносов; для предотвращения эрозии почв в горах и на склонах. Ответственность за сохранение лесов в соответствии с данным положением несли специально созданные в каждой губернии и области лесоохранительные комитеты, возглавлявшиеся губернаторами. Слабым местом данного закона стал вопрос правомерного отчуждения защитных лесов из частной собственности в государственную, поскольку они нуждались в особом контроле, который могли осуществить властные структуры. Это и ряд других причин вызвали необходимость пересмотра данного документа и издания другого в 1901 г. (Яшин, 2017. С. 169).

В 1897 г. в систему наказаний за нарушение лесных законов и порядок производства дел по ним были внесены изменения⁹. По ряду положений «Лесного устава» обвиняемый получал право до вынесения приговора компенсировать в пользу лесовладельца предусмотренный штраф в двойном размере стоимости вырубленного, а также вернуть в полном объеме незаконно вырубленный лес или равную ему стоимость. Данная мера была призвана упростить систему взысканий за незаконные рубки и снизить нагрузку на соответствующие ведомства.

До Восточной Сибири лесное законодательство, как и судебная реформа, доходило медленно и тяжело. Организация лесного надзора в Сибири представляла такую сложность в первую очередь потому, что подсчитать количество здешних лесов не представлялось возможным, о чем неоднократно писали современники (Мрозовский, 1900. С. 197; Головачев, 1914. С. 39). В «Лесном уставе» определению порядка управления казенными лесами в Сибири и Закавказском крае была посвящена отдельная глава, достаточно скудная по своему

содержанию. В Сибири выделяли леса казенные и крестьянские, а также те, которые были приписаны к горным промыслам и заводам Алтайским и Нерчинским. Сибирским обывателям было предоставлено право свободно использовать леса для всех потребностей и для постройки судов без оплаты. Управление казенными лесами и лесами, принадлежавшими казенным селениям, должны были осуществлять казенные палаты. Леса, приписанные к горным заводам Алтайским и Нерчинским, находились в непосредственном ведении заводского управления. В 1857 г. в Восточной Сибири было законодательно введено ограничение на свободное пользование казенными лесами для огнедействующих заводов¹⁰. Их владельцам было вменено в обязанность ежегодно вносить в уездное казначейство плату за следующий год, однако данная норма существовала только на бумаге и реально не выполнялась.

«Положение о сбережении лесов» 1888 г. на Восточную Сибирь, как было указано выше, не распространялось. Сибирские обыватели имели право свободно и безвозмездно употреблять леса для собственных нужд, это право распространялось и на Российско-американскую компанию. Меры наказания за самовольную порубку и истребление леса, указанные в «Уложении о наказаниях», с 1852 г. распространялись и на Сибирь, однако межевание и категоризация лесов не проводились, и, как следствие, не существовало местных лесоохранительных структур, которые могли бы осуществлять контроль за сохранением лесов.

В 1848 г. комитет министров поручил сибирским генерал-губернаторам разработать предложения по устройству сибирских лесов, чтобы обеспечить в необходимом количестве местное население, а остальное «сохранить в виде запаса». Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев на основе представленной иркутским и енисейским губернаторами информации пришел к выводу, что обширность лесов и невозможность их подсчета не позволяют установить

⁹ Об изменении узаконений, касающихся взысканий за лесные проступки и порядка производства дел по означенным нарушениям (7 апреля 1897 г.) // ПСЗРИ. Собрание III. Т. XVII. №13935.

¹⁰ Об ограничении в Восточной Сибири свободного пользования казенными лесами для огнедействующих заводов // ПСЗРИ. Собрание II. Т. 32. 1857. № 31652.

какие-либо меры управления раньше, чем будут определены лесные наделы для крестьянского населения. После определения означенных наделов меры управления лесами должны были ограничиться общим полицейским надзором за тем, чтобы лес рубили в специально отведенных для этого крестьянских дачах. Введение надзора за казенными лесами ввиду их обширности, по мнению генерал-губернатора, могло привести к огромным издержкам, а сам размер пожаров и порубок в общей массе лесов был ничтожным, чтобы компенсировать затраты на организацию контроля. Тем не менее комитет министров, основываясь на мнении бывшего министра государственных имуществ П.Д. Киселева, 30 ноября 1848 г. признал необходимым минимумом выделить в Сибири важнейшие леса, особенно вдоль судоходных и сплавных рек, и ввести их в категорию заказных, а затем вне их состава выделять участки для крестьянского населения. Несмотря на это, к 1890-м гг. в Восточной Сибири была выделена только одна заказная дача по инициативе Иркутского общества охотников. Это объяснялось отсутствием специальных чиновников, на которых можно было бы возложить данные функции, из-за чего не выполнялись даже прописанные в «Лесном уставе» требования о необходимости внесения платы за дрова и строевой лес владельцами «огнедействующих» заводов (занимавшихся выгонкой дегтя, поташа и прочего, что было связано с использованием огня). В 1886 г. Иркутский генерал-губернатор А.П. Игнатьев разработал проект учреждения лесного управления важнейшими лесами в Иркутской и Енисейской губерниях с ежегодным бюджетом в 30 тыс. рублей, однако этот проект не получил реализации. Документы о проведенном ранее разграничении крестьянских и инородческих наделов и казенных земель были утрачены во время пожара 1879 г., вследствие чего не осталось никаких данных по вопросу межевания земель в Восточной Сибири (Об отделении в Иркутском генерал-губернаторстве лучших и важнейших лесов, с объявлением их заказными, и об устройстве лесов, приписанных к частным промыслам, заводам и фабрикам, а также о по-

рядке управления такими лесами и охранения их. (ЦГИА). Ф. 1149. Оп. 11. Д. 100. URL: <https://www.prlib.ru/item/686143> (дата обращения 08.01.2021).

Несмотря на отсутствие каких-либо реальных действий по организации надзора в лесах Восточной Сибири, генерал-губернаторы, как было положено, ежегодно писали отчеты, представлявшиеся непосредственно императору. В деле «Об отделении в Иркутском генерал-губернаторстве лучших и важнейших лесов, с объявлением их заказными, и об устройстве лесов, приписанных к частным промыслам, заводам и фабрикам, а также о порядке управления такими лесами и охранения их» в справке указывается, что в отчете генерал-губернатора графа А.П. Игнатьева за 1885–1886 гг. император написал следующую резолюцию: «Уж сколько отчетов генерал-губернаторов я читал и должен с грустью и стыдом сознаться, что Правительством до сих пор почти ничего не сделано для удовлетворения потребностей этого богатого, но запущенного края! А пора, очень пора!» (Об отделении в Иркутском генерал-губернаторстве лучших и важнейших лесов, с объявлением их заказными, и об устройстве лесов, приписанных к частным промыслам, заводам и фабрикам, а также о порядке управления такими лесами и охранения их. (ЦГИА). Ф. 1149. Оп. 11. Д. 100. Л. 38. URL: <https://www.prlib.ru/item/686143> (дата обращения 08.01.2021). Меры по организации лесного надзора в Сибири, инициированные ещё в 1848 г. (!), обсуждались десятилетиями, принимались различные решения, вносились изменения в законы, но всё это не находило реального воплощения целые полвека.

Только в 1894 г. были приняты правила о заведывании государственными лесами в Иркутском генерал-губернаторстве¹¹. Общее заведование ка-

¹¹ О местном заведывании государственными лесами в Иркутском генерал-губернаторстве и об утверждении временного расписания должностей и окладов содержания местных лесных чинов и лесной стражи по заведыванию государственными лесами в означенном генерал-губернаторстве // ПСЗРИ. Собрание III. Т. XIV. № 10355.

зенными лесами возлагалось на генерал-губернатора, который по-прежнему был обязан ежегодно предоставлять отчет министру государственных имуществ. Непосредственное управление лесами осуществляли казенные палаты. Леса, попадавшие в категорию заказных, изымались из свободного пользования, а те, которые находились в пользовании крестьянских обществ, состояли под надзором лесных чинов. Охрану их должны были осуществлять выборные из состава местного населения полесовщики и пожарные старосты. При губернаторе были учреждены должности вице-инспектора корпуса лесничих, четыре ревизора, двенадцать кондукторов по лесоустройству. К категории лесных чинов относились должности лесного ревизора, лесничего первого, второго разряда, лесного кондуктора. В состав лесной стражи вошли лесники и объездчики, однако их число в законе не было определено, поскольку должности лесного надзора предполагалось учреждать постепенно по мере необходимости.

Лишь после этого началась реальная работа по организации лесного надзора и разделению лесов на категории. Для образования заказников в распоряжение Иркутского генерал-губернатора в конце 1894 г. прибыли четыре ревизора лесоустройства и двенадцать лесных кондукторов, был назначен вице-инспектор корпуса лесничих. Первыми формами лесоохранных объектов в Восточной Сибири стали лесничества и егерские участки (Бондарева, 2018. С. 21). В процесс организации охраны городских лесов включилась также Иркутская городская дума, которая стала принимать различные нормативные акты (правила, постановления), призванные усилить контроль за использованием городских лесов и ответственность за нанесение городскому лесу ущерба (Курышова, 2012).

В 1896 г. были созданы Управления государственных имуществ Иркутской и Енисейской губерний, которые осуществляли общую организацию создания системы контроля и учета лесных ресурсов. Лесные работы были начаты преимущественно в черте строительства железной дороги и в первое десятилетие приносили доход более 500 тыс.

рублей в год¹². Несмотря на обилие лесов в Енисейской губернии, сбыт после постройки железной дороги не был большим, что обуславливалось отсутствием удобных путей транспортировки: поскольку все реки текли на север, как отмечалось в обзоре Енисейской губернии за 1911 г., леса, расположенные на 20–25 верст с северной стороны от железной дороги, не эксплуатировались. Леса, находившиеся южнее, разрабатывались, и население Красноярского, Канского и Ачинского уездов, жившее вблизи железной дороги и сплавочных рек, находило заработок на вырубке, вывозе и сплаве леса¹³.

По данным Управления государственными имуществами Енисейской губернии в 1912 г. общая площадь лесов губернии, подчиненных местному надзору, составляла 8 974 277 десятин, разделенных на 117 дач. Фактический надзор по сохранению и защите лесов губернии от опустошительных рубок был возложен на 24 лесничих и четырех лесных ревизоров, в ведении которых находилось 295 чинов лесного надзора. По состоянию на 1913 г. общая площадь лесов насчитывала уже 9 000 292 десятины, разделенных на 119 дач¹⁴. В Иркутской губернии к 1 января 1913 г. площадь казенных заказных лесов составляла 8 813 000 десятин¹⁵. В составе лесной охраны находилось три ревизора, 16 лесничих, столько же их помощников и лесных кондукторов, 259 человек лесной стражи¹⁶.

Особо остро вопрос регулирования лесопользования встал с началом активного переселения в Сибирь. Переселенцы имели право рубить лес в пределах переселенческого участка без уплаты попенных денег (плата за рубку по числу пней, оставшихся от вырубленных деревьев), причем не

¹² Обзор Иркутской губернии за 1912 год. Иркутск, 1914. С. 41.

¹³ Обзор Енисейской губернии за 1911 год. Красноярск, 1912. С. 15.

¹⁴ Обзор Енисейской губернии за 1913 год. Красноярск, 1914. С. 18.

¹⁵ Атлас Азиатской России. СПб: Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия, 1914. 4, 24 с., 91 л. диагр., карт.

¹⁶ Обзор Иркутской губернии за 1912 год. Иркутск, 1914. С. 42.

только для собственного потребления, но и на продажу в случае наличия удостоверения от сельских властей, что лес был вырублен с целью расчистки земли для сельскохозяйственного использования (1897). В 1899 г. было разрешено отпускать переселенцам необходимый лесной материал для возведения усадебных построек из казенных дач безвозмездно или за попенные деньги¹⁷. Для снабжения лесными материалами переселенцев при Переселенческих управлениях создавались лесные склады, занимавшиеся заготовкой леса и отправкой его в степные безлесные области (Винокуров, Суходолов, 1996. С. 198).

В 1896 г. было установлено ограничение размера лесного надела для сельских жителей Сибири не более трёх десятин на мужскую душу¹⁸ (около 3,27 га), а в 1900 г. благодаря «Положению комитета Сибирской железной дороги об образовании на переселенческих участках особых лесных наделов» данная норма была распространена на переселенцев¹⁹. Кроме того, этот размер лесного надела сохранялся и далее и нашел отражение в ст. 15 «Положения о поземельном устройстве крестьян и инородцев на казенных землях Сибирских губерний и областей» 1906 г. Резкое ограничение лесных наделов и распределение их числа по числу душ вызвало негативную реакцию сельского населения, пользовавшегося ранее лесом в неограниченном количестве.

Принятые в 1901 г. «Правила об отводе и порядке пользования лесными наделами на переселенческих участках в Сибири, Степном генерал-губернаторстве и Вологодской и Пермской губерниях» регламентировали, что для каждого переселенческого участка лесные чины должны были определять оптимальное количество древесины для вырубki леса без истощения. Молодой или истощенный лес рубить было запрещено, допустимо

было использовать только сухостой и валежник. Перевод лесных наделов под иное использование был запрещен, также как и продажа растущего леса на корню. Превышение определенных пределов вырубki могло осуществляться с разрешения административной власти с учетом последующего восполнения путем уменьшения объемов рубки в последующие годы. Наблюдение за лесными наделами переселенческих участков возлагалось на земских и крестьянских начальников и должностных лиц крестьянского общественного самоуправления, которые вовсе не отличались добросовестным исполнением служебных обязанностей, и осуществление охраны при них было лишь номинальным, что приводило к хищническому уничтожению лесов.

Анализ криминальной статистики, отраженной во всеподданнейших обзорах социального и экономического развития губерний (Данчевская, 2019), позволил обнаружить одну важную особенность распространения судебной реформы на территории Сибири. Здесь после опубликования «Уложения о наказаниях» 1885 г. возникла парадоксальная ситуация: кражи леса как преступление были изъяты из «Уложения», но мировой устав до 1896 г. на территории Восточно-Сибирских губерний не распространялся, что в результате на некоторый срок вывело кражи леса из правового поля пенитенциарной системы. Вероятно, с целью вернуть изъятые правонарушения в систему наказаний, несмотря на отсутствие в Восточной Сибири института мировых судей, окружные суды начали подавать криминальную статистику параллельно с «Уложением о наказаниях» по мировому уставу: в Енисейской губернии – с 1887 г., в Иркутской губернии – с 1890 г. Несмотря на то, что в редакции «Уложения» 1885 г. сохранилась часть статей о нарушении лесного закона, фактически с момента использования мирового устава именно его судьи стали использовать при вынесении приговора и назначении наказания. Так, в Енисейской губернии лишь в 1886 г. было зафиксировано одно преступление по делу о нарушении постановлений о казенных лесах по «Уложению о наказаниях», а в Ир-

¹⁷ Сборник узаконений и распоряжений о переселении. СПб. : Тип. Мин-ва внутр. дел, 1901. [6], XXVI, С. 170.

¹⁸ О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // ПСЗРИ. Собрание III. Т. 16. 1896. № 12998.

¹⁹ Сборник узаконений и распоряжений о переселении. СПб. : Тип. Мин-ва внутр. дел, 1901. [6], XXVI, С. 135.

кутской губернии в 1892 г. – пять преступлений и в 1893 г. – два.

Параллельное принятие мер по организации охраны лесов в Енисейской и Иркутской губерниях и введение института мировых судей закономерно привели к возникновению большого числа дел о порубках и похищениях казённого леса в уголовной статистике. Статьи раздела «О похищении и повреждении чужого леса» (ст. 154–168) «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» занимали особое место среди дел, рассматривавшихся мировыми судами Енисейской губернии. С 1897 г. (времени введения новых судебных установлений в Сибири) правонарушения по этим статьям стали входить в десятку наиболее распространённых, с 1907 г. занимали второе место после краж, а в 1911 г. разово вышли на первое место

(табл.). Причиной изначального возникновения большого числа дел о порубках могло служить недовольство местного крестьянского населения, поскольку в состав казенных переводились наиболее удобные участки в прибрежной зоне, в то время как крестьянам отводились участки вдали от рек, где отсутствовали подъездные пути (Гилько, 2012. С. 258). В годы первой русской революции и в западных губерниях, и в Сибири массовые порубки стали формой политической борьбы: в Алтайском округе за указанный период была зафиксирована 271 массовая порубка леса, что составило более 20 % от всех выступлений (Ноздрин, 2005. С. 146).

В Иркутской губернии статистика была более стабильной, процент нарушений лесного закона в общем числе правонарушений по мировому уставу составил максимально 4,6 % в 1901 г., при том, что

Таблица. Число правонарушений по статьям 154–168 «О похищении и повреждении чужого леса» Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями в Иркутской и Енисейской губерниях*

Table. The number of offenses under Articles 154–168 «On the theft and damage of someone else's forest» of the Statute on Penalties imposed by Magistrates in the Irkutsk and Yenisei provinces*

Год	Енисейская губерния		Иркутская губерния	
	Преступлений	% от общего числа	Преступлений	% от общего числа
1893	3	0,14	–	–
1894	4	0,18	–	–
1898	244	3,7	–	–
1899	94	2,1	–	–
1900	234	3,6	127	1,2
1901	–	–	456	4,6
1902	525	7,5	332	3
1903	601	6,8	307	2,7
1904	606	6,8	201	2,2
1905	272	4,1	152	1,6
1906	479	6,3	178	1,6
1907	929	11,8	235	1,8
1908	969	10,2	281	2,1
1909	1896	16,6	368	2,5
1910	1756	17,7	307	2,1
1911	3040	20,6	273	1,8
1912	1461	11,1	270	1,5
1913	1198	7,7	217	1,2
1914	1086	7,9	434	2,5
1915	658	6	–	–

* Подсчитано по ведомостям о числе и роде преступлений Всеподданнейших обзоров Иркутской и Енисейской губерний за соответствующие года.

до 1900 г. соответствующие правонарушения лесоохранных статей мирового устава вообще не были зафиксированы в судебной статистике. Это говорит о том, что нарушения лесного закона до введения мирового устава и наведения некоторого порядка в сфере лесопользования в Иркутской и Енисейской губерниях фиксировались крайне редко, а значит находились вне контроля государства. Введение и совершенствование системы контроля за лесными угодьями в Восточно-Сибирских губерниях, вероятно, не позволило сократить число незаконных вырубок леса, но как минимум, поставило их на контроль, а также дало возможность пополнять казну штрафами при назначении соответствующего наказания. Отмечается, что в Иркутской губернии только за 1903 г. с правонарушителей за незаконные вырубки поступило в казну штрафов на сумму чуть менее 17 тыс. руб. (Курышова, Курышов, 2018. С. 129).

Недостатки организации взаимодействия органов лесного надзора и переселенческих пунктов незначительны, но они пополняли статистику нарушений лесного закона. Бывали случаи, когда чины переселенческих отрядов и партий (группы рабочих по 12–14 чел.²⁰) осуществляли рубку леса для нужд переселенческого пункта во исполнение данных им по службе поручений, без получения соответствующего разрешительного документа от лесных чинов – лесорубочного билета, за что в их отношении составлялись протоколы о самовольной рубке²¹. При этом данные нарушения были немногочисленными, и их нельзя считать значимыми факторами формирования статистики правонарушений «Лесного устава».

Неэффективность системы контроля лесопользования в направлении сокращения незаконных вырубок обуславливалась совокупностью факторов: значительным ограничением лесопользова-

ния русского старожильского и бурятского населения тремя десятинами на душу и выделением отведенных деревне лесов на участки по числу платёжных душ (Курышова, Курышов, 2018. С. 128). Таким образом, государство стремилось организовать контроль за лесами ввиду истощения их вблизи горных заводов Алтая и Забайкалья и для этого устанавливало нормирование выделения леса для хозяйственных нужд крестьянского населения, но уже на территории всей Восточной Сибири. Такое ограничение негативно воспринималось крестьянами, привыкшими к неограниченному использованию лесных ресурсов, что подтверждается словами статс-секретаря А.Н. Куломзина, изложенными во всеподданнейшем отчете императору в 1896 г.: «Почти повсеместно в Сибири продолжает существовать вольное пользование лесом, при котором каждый в общественном лесу рубит сколько и когда хочет»²².

В целом к 1910-м годам на территории всего государства, и в том числе в Восточной Сибири, выстроилась определенная система лесного надзора. Эволюция лесного законодательства сопровождалась появлением нормативных актов, регламентирующих отдельные стороны охраны и защиты лесов. Множественность таких документов и необходимость их систематизации повлекли за собой разработку проекта нового «Лесного устава», который изначально включил бы в себя весь спектр нормативных актов, изданных ранее, но уже в более четком систематизированном виде. Проект «Лесного устава» 1913 г. включал, например, указ 1789 г. о лесном управлении, учреждение об управлении государственными имуществами в губерниях 1838 г., положение о сбережении лесов 1888 г. Также он содержал отдельную главу, посвященную лесным наделам крестьян и инородцев в Сибири (ст.ст. 4303–407), в которой отсутствовало указание на необходимость уплаты крестьянами и инородцами установленного ранее налога за пользование лесными наделами. В 1914 г. по всей Рос-

²⁰ Вихров И. Несколько слов об исследовании лесов Сибири. СПб: тип. СПб. градоначальства, 1900. С. 5.

²¹ Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по земельному устройству в губерниях и областях Азиатской России : (По 1 авг. 1909 г.). Санкт-Петербург: Переселенч. упр., 1909. – XXV, С. 209. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003762151> (дата обращения: 22.02.2021).

²² Куломзин А.Н. Всеподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1896. С. 93.

сии было заведено почти 40 тыс. дел о самовольных порубках, по которым были вынесены судебные приговоры, вступившие в законную силу. Преступления по этим делам повлекли убытков на 287 тыс. рублей, а общая сумма взысканий составила более 736 тыс. руб.²³. Более 149 тыс. дел были окончены в административном порядке, убытки по ним составили 408,5 тыс. рублей, а взыскания – более 768 тыс. рублей. По 52 тыс. дел виновные не были обнаружены, а убытки от них составили почти 462 тыс. руб. Таким образом, общее число дел насчитывало почти 240 тыс., а общее количество взысканий превысило убытки на 347 тыс. рублей, что свидетельствует о создании достаточно эффективной системы охраны лесов в России. К сожалению, недостаток статистических данных не позволяет определить долю Иркутской и Енисейской губерний в общих показателях, а, следовательно, объемы незаконных вырубок, убытков от них и взысканных штрафах сумм.

Таким образом, сформировавшаяся в Российской империи система охраны лесов и контроля за лесопользованием распространилась на территории Иркутской и Енисейской губерний только к концу XIX в., несмотря на то, что предложение, а точнее – предписание создать проект устройства лесов в Сибири последовало ещё в середине века. Административная бюрократическая машина Российской империи не впервые тормозила реализацию важных и полезных инициатив, которые

должны были служить на благо сибирского общества. Безусловно, причиной возросшей потребности в организации лесного надзора стало более активное заселение территории Восточно-Сибирских губерний, а также развитие капиталистических отношений, которые провоцировали потребительское отношение к природным сибирским богатствам. При этом, как и с введением судебной реформы на территории Сибири, лесной закон необходимо было адаптировать под местные условия, которые существенно отличали зауральские земли от центральных губерний страны. Правовые нормы в сфере охраны лесных угодий, принятые до 1895 г. и распространявшиеся на территорию Сибири (например, плата за использование леса «огнедействующими» заводами или наказание за незаконные вырубки казенного леса), в действительности не реализовались. Распространить действие лесоохранных законов на Восточную Сибирь стало возможно только после распределения лесов на категории, выделения казенных лесных дач, общественных и частных лесов, заказных лесов, а также после создания специальных органов. Конечно, столь сложный процесс не мог происходить без ошибок и просчетов, но в итоге всё же удалось создать относительно действовавшую систему контроля за лесопользованием, которая позволила направить средства от взысканий за нарушения лесного закона в казну. Опыт осуществления охраны лесов в Восточной Сибири был кратким и занял два десятилетия, однако позволил создать систему, которая впоследствии была заимствована советской властью.

²³ Ежегодник Лесного департамента. 1914. Т. 1. Петроград, 1916. С. 96.

Библиографический список

Бондарева Д.К. Природоохранная деятельность в Енисейской губернии в конце XIX– начале XX в. // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 1 (35). С. 19–27.

Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири: 1900–1928. Новосибирск: «Наука», 1996. 320 с.

Врангель В.В. История лесного законодательства Российской империи: С присоединением очерка истории корабельных лесов России. Санкт-Петербург: привилег. тип. Фишера, 1841. 156 с.

Гилько М.А. Транссибирская магистраль и лесная

References

Bondareva D.K. (2018) Environmental protection activities in the Yenisei province at the end of the XIX century – the beginning of the XX century. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bryansk State University Herald*. No. 1 (35). P. 19–27. (In Russ.)

Vinokurov M.A., Sukhodolov A.P. (1996) *Economy of Siberia: 1900–1928*. Novosibirsk: "Nauka". 320 p. (In Russ.)

Vrangel' V.V. (1841) *History of Forest Legislation of the Russian Empire: With the addition of an Essay on the History of Ship Forests of Russia*. Sankt-Peterburg: privileg. tip. Fishera. 156 p. (In Russ.)

Gil'ko M.A. (2012) *The Trans-Siberian Railway and the*

отрасль в дореволюционной Енисейской губернии // Вестник КрасГАУ. 2012. № 6. С. 257–264.

Головачев П.М. Экономическая география Сибири. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1914. 183 с.

Данчевская А.В. Всеподданнейшие обзоры социального и экономического развития губерний как источник изучения преступности в Восточной Сибири в пореформенный период // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2019. № 1 (33). С. 38–45.

Зуляр Ю.А. Очерки истории природопользования в Байкальском регионе в XX веке. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2002. 496 с.

Курышова И.В. Роль иркутского городского самоуправления в охране природы Байкальского региона в конце XIX – начале XX в. // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2012. № 7 (66). С. 259–263.

Курышова И.В. Правовая регламентация природопользования в Байкальском регионе на рубеже XIX–XX веков: природоохранный аспект // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17. № 4. С. 747–764.

Курышова И.В., Курышов А.М. Эволюция государственной природоохранной политики в Байкальском регионе в конце XIX – начале XX в. в контексте трансформации традиционного хозяйства // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. № 4 (29). С. 124–136.

Мрозовский Б.П. Краткий очерк лесной промышленности и торговли лесом в России и в важнейших иностранных государствах. СПб.: тип. Спб. градоначальства, 1900. 375 с.

Ноздрин Г.А. Социальный протест Сибирского крестьянства во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 288. С. 143–150.

Пуряева А.Ю. Устав о лесах 1905 года как источник лесного законодательства дореволюционной России // Экономика. Налоги. Право. 2011. № 3. С. 119–124.

Тяпкин М.О., Антропов В.М. Историко-правовая характеристика участия полиции Томской губернии в охране лесов в начале XX века // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2015. № 10 (132). С. 53–57.

Тяпкин М.О., Демчик Е.В. Характеристика самовольной порубки леса в исторической ретроспективе // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2 (94). С. 145–152.

forest industry in the pre-revolutionary Yenisei Province. *Vestnik KrasGAU = Bulletin of KrasGAU*. No. 6. P. 257–264. (In Russ.)

Golovachev P.M. (1914) Economic geography of Siberia. Moscow: tip. t-va I.D. Sytina. 183 p. (In Russ.)

Danchevskaya A.V. (2019) The most comprehensive reviews of the social and economic development of the provinces as a resource for studying crime in Eastern Siberia in the post-Reform period. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. No. 1(33). P. 38–45. (In Russ.)

Zulyar Yu.A. (2002) Essays on the history of nature management in the Baikal region in the XX century. Irkutsk: Irkutskii State University. 496 p. (In Russ.)

Kuryshova I.V. (2012) The role of Irkutsk City Self-government in nature protection of the Baikal Region in the late XIX – early XX centuries. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Proceedings of Irkutsk State Technical University*. No. 7 (66). P. 259–263. (In Russ.)

Kuryshova I.V. (2016) Legal regulation of nature management in the Baikal region at the turn of the XIX–XX centuries: environmental aspect. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*. Vol. 17. No. 4. P. 747–764. (In Russ.)

Kuryshova I.V. Kuryshov A.M. (2018) Evolution of the state environmental policy in the Baikal region in the late 19th – early 20th centuries in the context of the transformation of the traditional economy. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. No. 4 (29). P. 124–136. (In Russ.)

Mrozovskii B.P. (1900) A brief outline of the timber industry and timber trade in Russia and in the most important foreign countries. Sankt-Peterburg: tip. Spb. gradonachal'stva. 375 p. (In Russ.)

Nozdrin G.A. (2005) Social protest of the Siberian peasantry in the second half of the XIX – early XX century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*. No. 288. P. 143–150. (In Russ.)

Puryaeva A.Yu. (2011) The Forest Charter of 1905 as a source of forest legislation in Pre-Revolutionary Russia. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics. Taxes & Law*. No. 3. P. 119–124. (In Russ.)

Tyapkin M.O., Antropov V.M. (2015) Historical and legal characteristics of the participation of the Tomsk Province police in the protection of forests in the early twentieth century. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Bulletin of Altai State Agricultural University*. No. 10 (132). P. 53–57. (In Russ.)

Tyapkin M.O., Demchik E.V. (2017) Characteristics of unauthorized logging in historical retrospect. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya of Altai State University*. No. 2 (94). P. 145–152. (In Russ.)

Федоров С.Г. Лесные вырубки в обычно-правовых представлениях крестьянства в российской и сибирской деревнях во второй половине XIX – начале XX в. // *Манускрипт*. 2016. № 11–1 (73). С. 176–178.

Черных В.В. Лесное законодательство в период правления Николая I // *Сибирский юридический вестник*. 2020. № 1 (88). С. 15–21.

Шелгунов Н.В. История русского лесного законодательства. СПб.: тип. М-ва гос. имуществ, 1857. [2]. II. VIII. 378 с.

Шишкин В.А. Особенности закрепления норм об ответственности за лесонарушения в «Уставе лесном» // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2017. № 4. С. 156–162.

Яшин Д.В. Законодательное регулирование оборота защитных и незащитных лесов в России XVIII – начала XIX в. // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2017. № 3. С. 168–172.

Fedorov S.G. (2016) Forest felling in the Customary Legal Views of the peasantry in the Russian and Siberian villages in the second half of the XIX – early XX century. *Manuskript = The Manuscript*. No. 11–1 (73). P. 176–178. (In Russ.)

Chernykh V.V. (2020) Forest legislation during the reign of Nicholas I. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Legal Herald*. No. 1 (88). P. 15–21. (In Russ.)

Shelgunov N.V. (1857) History of Russian Forest Legislation. St. Petersburg: tip. M-va gos. imushchestv. [2]. II. VIII. 378 p. (In Russ.)

Shishkin V.A. (2017) Features of fixing the norms on responsibility for forest violations in the “Forest Charter”. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya = Humanities and Law Studies*. No. 4. P. 156–162. (In Russ.)

Yashin D.V. (2017) Legislative regulation of the turnover of protected and unprotected forests in Russia in the XVIII – early XIX centuries. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki = Problems of Economics and Legal Practice*. No. 3. P. 168–172. (In Russ.)

Сведения об авторе

Данчевская Анастасия Викторовна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, Россия, ✉ e-mail: vashan16@mail.ru

Information about the author

Anastasiya V. Danchevskaya,

Cand. Sci (History), associate Professor of the Department of Philosophy and Socially-Humanitarian Disciplines, East-Siberian Institute of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation, 110, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia, ✉ e-mail: vashan16@mail.ru

Заявленный вклад автора

А.В. Данчевская выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Contribution of the author

A.V. Danchevskaya carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Поступила в редакцию 19 марта 2021 г.
Поступила после рецензирования и доработки 7 мая 2021 г.
Принята к публикации 17 мая 2021 г.

Article info

Received March 19, 2021.
Received May 7, 2021.
Accepted May 17, 2021.